

Японские исследования. 2019. №3. С. 62–83.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 62–83.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10021

Вызов «возвышающегося» Китая для Японии в контексте нормализации китайско-японских отношений в 2014–2018 гг.*

Я.В. Лексютина

Аннотация. С 2014 г. как в китайской, так и в японской политике, наметился курс на преодоление вызванного территориальными спорами вокруг островов Сэнкаку в 2012 г. кризиса в китайско-японских отношениях и постепенную нормализацию двустороннего взаимодействия. При этом на современную японскую политику в отношении Китая оказывает влияние большое количество разнонаправленных факторов: от глубокой заинтересованности Японии в развитии тесного торгово-экономического сотрудничества с Китаем и стабилизации региональной обстановки, неуверенности Токио в надёжности США как союзника на фоне деятельности администрации Д. Трампа до вызова «возвышающегося» Китая. Специфика японского подхода к Китаю состоит в том, что ввиду наличия между двумя странами глубоких противоречий, «возвышение» Китая видится в Токио не как несущее возможности, а как представляющее серьёзный вызов или даже потенциальную угрозу Японии. Экономическое и особенно военное усиление своего соседа – Китая – рассматривается в Токио в качестве сильнейшего, наряду с ракетно-ядерной программой КНДР, повода для беспокойства. По мере усиления комплексной национальной мощи Китая, роста напористости Китая в реализации национальных интересов, активизации внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Китая вызов «возвышающегося» Китая приобретает всё новые грани и измерения. В последние несколько лет на повестке дня Токио стоит поиск адекватного ответа на китайскую инициативу «Пояс и путь», инициированный Пекином Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), а также возросшую экономическую и военно-политическую активность Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Данная статья призвана продемонстрировать то, как кабинет Абэ Синдзо в условиях реализуемого им курса на нормализацию китайско-японских отношений отвечает на вызовы, обусловленные «возвышением» Китая. А именно, в статье выделяются и характеризуются предпринимаемые кабинетом Абэ меры по хеджированию рисков, связанных с развитием китайской инициативы «Пояс и путь» и усилением напористости Китая в процессе реализации его территориальных притязаний в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Ключевые слова: «возвышение» Китая, Япония, китайско-японские отношения, инициатива «Пояс и путь», «качественная инфраструктура», Сэнкаку, Восточно-Китайское море.

Автор: Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexuyana@ya.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016-ОГН.

Japan's China challenge within the context of normalization of Sino-Japanese relations in 2014–2018

Ya.V. Leksyutina

Abstract. Since 2014, both China and Japan have been pursuing a policy of normalization of their bilateral relations, which worsened after Japanese government's decision in 2012 to nationalize three out of five disputed Senkaku islands. There are a number of factors, at times contradicting each other, that shape Japan's contemporary policy towards China: from deep interest in intensification of trade and economic cooperation with China and in ensuring regional security, concerns over the US President D. Trump's actions and hence over the sustainability of US-Japan close partnership and alliance, to the challenge of rising China. A specific feature of Japan's policy towards China is that due to deep contradictions between the two countries, Tokyo views the rise of China not as bringing opportunities, but instead as a serious challenge or a potential threat. The strengthening of China's economic and especially military power – along with North Korea's missile and nuclear program – is seen in Tokyo as the deepest security concern. As China's comprehensive national power strengthens, China's foreign policy behavior becomes more assertive, foreign policy and foreign trade activities intensify, Japan's challenge of rising China attains new dimensions. During the past several years, Tokyo has been facing a need to find an appropriate response to China's Belt and Road Initiative, to the establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), and to China's intensified economic and military activities in the East China and South China Seas. This article demonstrates how the Abe Shinzo Cabinet meets the challenge of rising China under the conditions of Japan's policy to normalize relations with its strong neighbor. Specifically, the article identifies and characterizes the Abe Cabinet's measures to hedge the risks connected to China's Belt and Road Initiative and China's assertiveness in the East China and South China Seas.

Keywords: rise of China, Japan, Sino-Japanese relations, Belt and Road Initiative (BRI), “quality infrastructure”, Senkaku, East China Sea.

Author: *Leksyutina Yana V.*, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor of the American Studies Department, Saint-Petersburg State University. ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexyana@ya.ru

Введение

В ряду наиболее серьёзных внешних вызовов, стоящих перед Японией, особое место занимает «возвышающийся» Китай – близкий в географическом смысле, но далёкий в контексте исповедуемых им политических и экономических ценностей. Вызов «возвышающегося» Китая для Японии состоит в адаптации к новому Китаю – Китаю, существенно приумножившему экономическую, финансовую и военную мощь; Китаю, отношения с которым характеризуются сложным историческим и политическим содержанием; Китаю, который с опорой на свои возросшие финансовые возможности ведёт активную внешнюю и торгово-экономическую политику, нередко вступающую в противоречие с интересами Японии; Китаю, который проявляет напористость в реализации его территориальных притязаний, распространяющихся и на контролируемые Японией острова Сэнкаку; но также и Китаю, чей огромный внутренний рынок и растущий средний класс открывают широкие экономические возможности для Японии.

За неполные два десятилетия XXI века китайско-японские отношения претерпели как периоды относительно бесконфликтного сосуществования двух держав и тесного торгово-экономического сотрудничества, так и периоды кризисов двустороннего взаимодействия, сопровождавшиеся не только выражением взаимных претензий, но и длительными приостановками контактов на высшем уровне (как это было в период премьерства Коидзуми Дзюньитиро в 2001–2006 гг. или при втором кабинете Абэ Синдзо в 2012–2014 гг.). Кризисы в двусторонних отношениях, как правило, вызывают китайско-японские противоречия, связанные с трактовкой исторических событий 1937–1945 гг., посещениями японскими высокопоставленными официальными лицами храма Ясукуни, принадлежностью островов Сэнкаку.

«Открыть новую эру в отношениях Японии и Китая» пообещал Абэ Синдзо в ходе своего первого государственного визита в Китай, состоявшегося 25–27 октября 2018 г. и приуроченного к 40-летию подписания Договора о мире и дружбе между двумя странами. Встречная заинтересованность в торгово-экономическом сотрудничестве и обеспечении стабильной региональной обстановки временно возобладала в отношениях Японии и Китая, и с конца 2014 г. стороны прикладывают усилия для нормализации двусторонних отношений и комфортного сосуществования.

Более того, с 2018 г. значимое влияние на динамику китайско-японских отношений стал оказывать фактор США. Пекин, расценивающий инициированную Д. Трампом «торговую войну» как проявление американской политики сдерживания Китая (и в частности сдерживания развития его инновационно-технологической мощи), проявляет заинтересованность в налаживании тесного сотрудничества с Японией. Сильное беспокойство в Пекине также вызывают развитие концепта Индо-Тихоокеанского региона и угроза формирования «квартета» в составе США, Японии, Австралии и Индии как антикитайского блока.

С действиями администрации Д. Трампа связаны и определённые опасения в Токио. Внезапный выход США из ТТП, сильная критика Вашингтона в адрес Токио в связи с наличием торговых барьеров в отдельных секторах японской экономики (в частности, в автомобильной отрасли, сельском хозяйстве и сфере услуг), за которой может последовать введение Вашингтоном повышенных импортных пошлин на японские товары, а также протекционистские меры Д. Трампа, подрывающие основы существующей международной торговой системы, создают серьёзные экономические риски для Японии. Более того, непредсказуемость стиля руководства Д. Трампа, а также его критические высказывания относительно многосторонних форматов сотрудничества (как в сфере экономики, так и в военно-политической сфере) ставят под вопрос надёжность США как союзника, который в случае необходимости придёт на помощь Токио (в том числе в случае гипотетического противостояния с Китаем). И, наконец, изменение политики администрации Д. Трампа по отношению к КНДР, нашедшее отражение в налаживании в 2018 г. прямого диалога между лидерами США и КНДР, воспринимается в Токио как смягчение давления на северокорейский режим и как несущее серьёзный вызов Японии.

Наличие подобных опасений служит стимулом для налаживания китайско-японских отношений, однако не отменяет наличие имманентно присущих этим двусторонним отношениям противоречий. Более того, по мере усиления комплексной национальной мощи Китая, роста напористости Китая в реализации национальных интересов, активизации

внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Китая по всем региональным направлениям перед Японией встают всё новые и новые вызовы. Неполный перечень этих вызовов включает китайскую инициативу «Пояс и путь», инициированный Пекином Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), а также возросшую экономическую и военно-политическую активность Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Данная статья призвана продемонстрировать то, как кабинет Абэ Синдзо в условиях реализуемого курса на нормализацию китайско-японских отношений отвечает на вызовы, связанные с «возвышением» Китая.

Реакция Японии на «возвышение» Китая

В современной политике Японии в отношении Китая определяющим фактором выступает рост китайской экономической, финансовой и военной мощи, а также усиление напористости Китая в региональных и мировых делах. В 2010 г., потеснив Японию, Китай стал второй крупнейшей мировой экономикой. На настоящий момент Китай является крупнейшей мировой экономикой по показателю ВВП по ППС, крупнейшей торговой державой и экспортёром в мире, а также крупнейшим держателем золотовалютных резервов. Утрата Японией вторых (после США) ведущих позиций в мире по отдельным макроэкономическим показателям и «размывание» роли Японии в системе глобального управления оказывает определённый психологический прессинг на Токио. Так, если Токио еще удаётся сохранять позиции второго крупнейшего акционера Всемирного банка и МВФ, то, например, в ООН Япония уже переместилась со второй на третью позицию в списке крупнейших доноров организации (как в общий бюджет, так и бюджет на операции по поддержанию мира).

Более того, возросшая экономическая мощь Китая, накопленные внушительные финансовые активы и продвигаемая на государственном уровне китайская стратегия «выход вовне» превратили Китай в сильного конкурента Японии на финансовых и товарных рынках третьих стран. Весьма острое экономическое соперничество Китая и Японии прослеживается в Юго-Восточной Азии, Африке и Центральной Азии. Большая обеспокоенность связывается в Токио и с возросшей активностью Китая в Арктике.

На настоящий момент Китай является крупнейшим торговым партнёром для более чем 100 государств мира. Стремительно возрастают китайские иностранные инвестиции и помощь развитию развивающимся странам. Активная экономическая политика находит своё отражение в создании с участием Китая Нового банка развития, при определяющей роли Китая в АБИИ и в реализации мегаинициативы «Пояс и путь».

На этом фоне пришедший в 2012 г. к власти в Японии кабинет Абэ инициировал масштабную программу оздоровления японской экономики, получившую наименование «абэномика». При Абэ также существенно активизировалась торгово-экономическая политика Японии: после выхода США из соглашения о ТТП Токио, после некоторой растерянности в связи с действиями своего союзника [Швыдко, 2017], возглавил процесс создания Всеобъемлющего и прогрессивного Соглашения для Транстихоокеанского партнёрства, заключил с ЕС Соглашение о свободной торговле и стал продвигать в мировом сообществе концепцию «качественной инфраструктуры».

Серьезный вызов для Токио также связан с ростом военной мощи Китая. По расходам на оборону Китай уже многие годы занимает 2-е место в мире, уступая лишь США, но существенно превосходя своих соседей (в т.ч. Японию). При этом оборонный бюджет Китая демонстрирует продолжительный и устойчивый рост. В период с 2008 по 2017 г. ежегодное увеличение официального оборонного бюджета составляло в среднем 8%. Согласно китайским официальным данным, в 2018 г. он возрос на 8,1% по сравнению с предшествующим годом и составил 175 млрд долл. (примерно 1,3% ВВП), а в 2019 г. расходы на оборону были увеличены на 7,5%, достигнув 178 млрд долл. В оценках китайского оборонного бюджета в Японии (такая же критика раздается со стороны США, СИПРИ и многих военных экспертов) исходят из того, что официально анонсируемый Пекином оборонный бюджет не отражает реальных затрат Китая на оборону и не включает, в частности, такие крупные статьи расходов, как расходы на оборонные научно-технические разработки, закупки иностранных вооружений [China's Activities in East China Sea, 2018], затраты на стратегические силы и пр. Министерство обороны США, например, оценило реальный оборонный бюджет Китая в 2017 г. в размере 190 млрд долл. (против официально заявленных Китаем 154 млрд долл.) [Military and Security Development involving the PRC 2018].

Обеспокоенность продолжающимся «возвышением» Китая, форсированной военной модернизацией Китая, систематически проявляющейся напористостью Китая в отстаивании своих интересов (в том числе в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях), ростом националистических настроений в Китае, способных оказывать давление на китайское руководство в вопросах формулирования внешней политики, стала одним из ключевых факторов, предопределивших изменения оборонной стратегии Японии при втором кабинете Абэ. Абэ стал развивать концепцию «проактивного пацифизма» и инициировал различные нововведения в сфере обеспечения безопасности. Так, в июне 2013 г. был создан Совет национальной безопасности, призванный заниматься выработкой политики в сфере национальной безопасности и дипломатии [Стрельцов, 2014]. Отражением изменений в оборонной политике Японии стало принятие в 2015 г. кабинетом Абэ серии законов, менявших интерпретацию статьи 9 Конституции Японии и разрешавших использовать право на коллективную самооборону для защиты сил союзника даже в случае отсутствия нападения на Японию, но при наличии угрозы безопасности страны, а также расширявших спектр операций Сил самообороны (при логистической и технической поддержке вооруженных сил США и других государств в целях противодействия угрозам миру и безопасности) [Киреева, 2019, с. 19].

В значительной степени изменения в оборонной политике Японии были обусловлены интенсифицировавшейся угрозой со стороны Китая [Kazuhiko Togo, 2018]. Показательно смещение акцентов в одном из ключевых программных документов Японии в области безопасности – «Основные направления программы национальной обороны»¹. Если в редакции этого документа от 2013 г. озабоченность Токио складывающейся региональной ситуацией связывалась, в первую очередь, с ракетно-ядерной программой КНДР (и только потом с действиями Китая, а затем – России), то в версии «Основных направлений» 2018 г.

¹ Впервые документ «Основные направления программы национальной обороны» был принят в Японии в 1976 г. и пересматривался в 1995, 2004, 2010, 2013 и 2018 г.

первоочередная обеспокоенность связывается с усилением военной мощи Китая и односторонними действиями Китая, направленными на изменение статус-кво, в том числе и в Восточно-Китайском море [National defense program guidelines for FY 2014 and beyond, 2013].

Обеспокоенность Токио ситуацией в области региональной безопасности нашла своё выражение в росте расходов на оборону. В 2013 г. впервые за предшествующие 11 лет был зафиксирован рост оборонных расходов Японии – расходы увеличились на 0,8 %. В следующем, 2014 г., оборонный бюджет Японии возрос на 2,2 % по сравнению с предыдущим годом, а затем вплоть до 2018 г. включительно возрастал на 0,8 % ежегодно². Сильнейший скачок оборонного бюджета произошёл при планировании бюджета на 2019 г. – расходы на оборону увеличивались на 7,2 % по сравнению с 2018 г. и составляли 5,3 трлн иен (или 47 млрд долл.) [Japan's Defense Budget].

Напористость Китая в реализации его территориальных притязаний и продвижении его экономической повестки в регионе и в мире обусловила выдвигание Абэ в августе 2016 г. в Кении на 6-й Токийской международной конференции по развитию Африки³ стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» [Кистанов, 2018, с. 34]. Замена уже прочно вошедшего в мировой дискурс географического понятия «Азиатско-Тихоокеанский регион» на конструкт «Индо-Тихоокеанский регион» обнаруживала заинтересованность Токио в более весомой роли в регионе разделяющей либерально-демократические ценности Индии как важном противовесе усиливающемуся Китаю. Высказанная Абэ ещё десятилетие назад идея «альянса демократий» выходит на повестку дня и получает новое звучание в предложенной Абэ в 2012 г. концепции «ромба безопасности» (или «бриллианта безопасности») в составе Японии, США, Индии и Австралии для защиты морских пространств Тихого и Индийского океанов.

К трём направлениям реализации стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» Токио относит: продвижение и утверждение принципов верховенства закона, свободы навигации и свободной торговли; содействие экономическому процветанию посредством усиления взаимосвязанности, в том числе с помощью развития «качественной инфраструктуры» в соответствии с международными стандартами; выдвигание инициатив, призванных обеспечивать мир и стабильность, включая оказание помощи (странам мира. – *Я.Л.*) для укрепления возможностей по реализации морского права, борьбе с пиратством и снижению рисков стихийных бедствий [Japan's White Paper on Development Cooperation 2017, p. 2]. Таким образом, японская концепция направлена на недопущение попрания Китаем принципов международного права и прав стран региона в процессе реализации Пекином его территориальных притязаний, а также на продвижение основанной на лучших мировых стандартах альтернативы китайской инициативе «Пояс и путь» – «качественной инфраструктуры». Между тем было бы неправильно расценивать японскую стратегию как направленную на сдерживание развития и усиления Китая. Более

² При расчётах использовались официальные данные Министерства обороны Японии, не включающие в оборонный бюджет расходы на реализацию проектов американско-японского специального комитета по Окинаве, перегруппировку американских сил в Японии и расходы на ввод в эксплуатацию нового правительственного самолета [Defense of Japan 2018].

³ Стратегия Абэ «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» восходит к речи Абэ в парламенте Индии в августе 2007 г. под названием «Слияние двух океанов» [Кистанов, 2018, с. 34; Стрельцов, 2018].

точной её трактовкой может быть её нацеленность на сдерживание напористости Китая в территориальных спорах, побуждение Китая к использованию лучших практик в его зарубежном инвестировании и зарубежном инфраструктурном строительстве.

Однако в Пекине японская стратегия «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», равно как и изменения в оборонной политике Японии и неуклонный рост японского оборонного бюджета, рассматриваются как направленные на сдерживание Китая и подкрепляющие представления Китая о Японии как о ревизионистском государстве, не отказавшемся от своего милитаристского прошлого и не признавшего в полной мере совершённые в годы Второй мировой войны военные преступления.

Проблематика Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей в японско-китайском взаимодействии

Напористость Китая в реализации его территориальных притязаний в Восточно-Китайском море и неосторожные действия японского правительства в 2012 г. (национализация Японией трёх из пяти спорных островов) стали причиной серьёзного кризиса в китайско-японских отношениях. В 2012–2014 гг. Пекин прервал политические контакты с Японией на министерском уровне и выше, ввёл ряд мер, ограничивавших торгово-экономические связи и людские обмены (включая туризм), создал опознавательную зону ПВО в Восточно-Китайском (ноябрь 2013 г.), стал регулярно направлять в спорные акватории корабли, численность которых иногда достигала 28 кораблей в месяц.

С 2014 г. ситуация в Восточно-Китайском море несколько стабилизировалась. Сторонам пока удаётся избегать перерастания территориальных противоречий в кризисные ситуации (как это было, в 2010 г. и 2012 г.). Тем не менее, беспокойство японской стороны вызывает продолжающаяся с сентября 2012 г.⁴ практика вторжения китайских кораблей в 12-мильную зону территориальных вод Японии близ оспариваемых островов Сэнкаку. Согласно данным японской береговой охраны, в 2018 г. в среднем ежемесячно 6 китайских корабля вторгались в территориальные воды Японии, а в январе и феврале 2019 г. – суммарно 24 корабля вторглись в территориальные воды Японии [The number of Chinese Government and other vessels, 2019]. Также продолжается практика нарушения воздушного пространства Японии над 12-мильной зоной территориальных вод.

Тревожным знаком для Токио стал заход китайских военных кораблей в морскую прибрежную зону Японии близ спорных островов. Так, в июне 2016 г. впервые в морскую прибрежную зону Японии близ спорных островов зашёл боевой корабль НОАК, а в январе 2018 г. – китайская атомная подводная лодка в погружённом состоянии.

В целях укрепления своих позиций в Восточно-Китайском море Япония приступила к развитию военной инфраструктуры близ островов Сэнкаку. В 2016 г. Япония разместила радиолокационную станцию на острове Ёнагуни. Осенью 2018 г. Токио обозначил планы строительства на острове Исигаки, расположенном в непосредственной близости к островам Сэнкаку, военного гарнизона Сил самообороны на 500–600 человек личного состава

⁴ Впервые факт вторжения китайского корабля в территориальные воды Японии близ островов Сэнкаку был зафиксирован японской стороной в декабре 2008 г. [China's Maritime Activities in the Asia-Pacific Region and Japan's Reaction].

и размещения там ракетной батареи. Аналогичную инфраструктуру японское правительство намерено развернуть весной 2019 г. на соседнем острове Мияко [Крячкина, 2018].

Сильное недовольство со стороны Токио вызывает продолжающаяся с июня 2013 г. разработка Китаем нефтегазовых месторождений близ срединной линии в Восточно-Китайском море. Японская сторона отмечает интенсификацию деятельности Китая в этом направлении и заявляет о наличии в настоящее время 16 буровых установок в Восточно-Китайском море [The Current Status of China's Unilateral Development, 2018]. Хотя эти установки находятся с китайской стороны от срединной линии в Восточно-Китайском море, Токио отстаивает необходимость воздерживаться от разработки природных месторождений в акватории Восточно-Китайского моря вплоть до официального разграничения специальной экономической зоны в Восточно-Китайском море между двумя государствами. Со своей стороны Япония не ведёт разработку месторождений в акватории Восточно-Китайского моря, на которую распространяются претензии Китая – Пекин претендует на протяжённость своей специальной экономической зоны вплоть до Окинавской впадины, что значительно восточнее срединной линии.

Озабоченность Токио вызвана также и тем, что 3 из 16 установок находятся в непосредственной близости от срединной линии, что позволяет предположить, что Китай может «выкачивать» природный газ из месторождений, находящихся с японской стороны от срединной линии. Более того, в Японии высказываются опасения о возможности превращения буровых установок в своеобразные военные пункты. Так, летом 2016 г. японская сторона неоднократно выражала протест в связи с установкой Китаем радара на одной из буровых установок [Japan protests over Chinese radar, 2016].

Ранее стороны пытались наладить механизм совместной разработки нефтегазовых месторождений в Восточно-Китайском море – в 2008 г. было достигнуто соглашение о совместной разработке природных ресурсов в Восточно-Китайском море. Однако с тех пор китайская сторона не выказывала своей заинтересованности в реализации указанного соглашения, предпочтя заниматься освоением нефтегазовых месторождений в Восточно-Китайском море в одностороннем порядке. Размещение Китаем буровых установок в Восточно-Китайском море Токио рассматривает как нарушение духа соглашения 2008 г. Очередной протест в адрес Китая в связи с возобновлением разработки газовых месторождений в Восточно-Китайском море японская сторона выразила в начале декабря 2018 г.

Китай предпринимает и ряд других мер, направленных на косвенное утверждение своих прав на оспариваемые акватории и острова в Восточно-Китайском море. Например, в октябре 2018 г. в японской специальной экономической зоне близ островов Сэнкаку Китай без получения соответствующего разрешения японской стороны установил буй, предположительно для сбора данных о погоде и, возможно, разведывательных данных. Подобные символические меры Китая вызывают официальные протесты Токио, однако не приводят к кризису двусторонних отношений.

В целом стороны пока демонстрируют сдержанность в продвижении своих суверенных прав в спорной акватории (Китай, например, не устанавливает буровые установки с японской стороны срединной линии, Япония и вовсе воздерживается от разработки нефтегазовых месторождений даже со своей стороны срединной линии), предпочитая избегать серьёзных кризисов. Важным достижением можно считать создание в мае 2018 г. – во исполнение

озвученных двумя сторонами планов ещё в 2007 г. – двустороннего механизма кризисной коммуникации во избежание непреднамеренных столкновений в воздухе и на воде в Восточно-Китайском море. Необходимость в создании «горячей линии» между двумя оборонными ведомствами давно назрела, поскольку уже неоднократно возникали непредвиденные ситуации опасного сближения самолётов и кораблей Китая и Японии в воздушном и морском пространствах Восточно-Китайского моря.

Между тем вносящей напряжённость в двусторонние отношения служит активизация Токио в Южно-Китайском море, где Китай предъявляет свои претензии на 90 % всей акватории моря и имеет территориальные споры с рядом стран АСЕАН и Тайванем. Япония, не имеющая территориальных притязаний в Южно-Китайском море, тем не менее заинтересована в сохранении там режима свободы судоходства, поскольку важные торговые пути Японии проходят через эту акваторию. Через Южно-Китайское море проходит порядка 85–90 % всего импорта нефти Японии и 33 % импортируемого СПГ [Drifte, 2016, p. 4]. Более того, ведущееся форсированное военное строительство на контролируемых Китаем островах и атоллах расценивается Токио как расширяющее возможности китайских ВМС и ВВС проецировать силу, а также контролировать морские коммуникации. Высока заинтересованность Японии в поддержании региональной стабильности и, соответственно, недопущении возникновения серьёзного кризиса в Южно-Китайском море. И, наконец, противодействие китайской напористости в Южно-Китайском море – имеющей много общего с напористостью Китая в Восточно-Китайском море – стало рассматриваться в Токио в качестве меры по защите своих интересов в Восточно-Китайском море. На современном этапе в стратегических расчётах Японии уже сформировалась тесная «связка» проблематик Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Объединение усилий со странами АСЕАН и США в противодействии односторонним действиям Китая в морских акваториях – Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей – стало важным направлением политики Токио.

Курс на активизацию участия Токио в проблематике Южно-Китайского моря начал оформляться после инцидента в сентябре 2010 г., когда китайский рыболовецкий траулер столкнулся с японским кораблём береговой охраны близ островов Сэнкаку, а Токио осознал напористость Китая в вопросах суверенитета и морских прав. Обеспокоенность ситуацией в Южно-Китайском море стала регулярно появляться в японской официальной риторике. Упоминание Южно-Китайского моря и критика в связи с этим в адрес Китая были зафиксированы в опубликованной в декабре 2013 г. Стратегии национальной безопасности Японии [Japan's National Security Strategy, 2013]. С течением времени риторика стала подкрепляться конкретными действиями. Японские Силы самообороны регулярно стали принимать участие в проводимых с США и некоторыми странами АТР совместных военных учениях в Южно-Китайском море. В сентябре 2018 г. японская сторона даже впервые публично заявила о том, что Морские силы самообороны Японии направили подводную лодку для участия в проводимых в Южно-Китайском море учениях⁵.

С приходом к власти в Японии Абэ в декабре 2012 г. Токио проявил возросшую активность в налаживании оборонного сотрудничества со странами АСЕАН [Tomotaka Shoji, 2014, p. 136]. А именно, Япония содействует странам Юго-Восточной Азии, имеющим

⁵ Любопытно, что некоторые японские эксперты указывают на то, что японские подводные лодки уже давно появляются в Южно-Китайском море, и китайская сторона об этом была прекрасно осведомлена, но предпочла выразить свое удивление в сентябре 2018 г. после официального заявления Токио.

территориальные споры с Китаем в Южно-Китайском море, в укреплении их обороноспособности на фоне растущей угрозы со стороны Китая. Так, в 2014 г. Япония согласилась передать Вьетнаму семь бывших в использовании морских судов для наблюдений и в июне 2017 г. объявила о решении продать шесть новых патрульных кораблей. Филиппинам Токио передал 10 кораблей береговой охраны, 2 больших патрульных судна, высокоскоростные лодки и оборудование для обеспечения безопасности на море. Индонезии было передано 3 патрульных корабля. В Индонезию и Малайзию были направлены эксперты и оказана поддержка в осуществлении институциональных улучшений в системе военной подготовки и образования [Japan's White Paper on Development Cooperation 2017, p. 6].

В целом китайско-японские отношения характеризуются сильными взаимными подозрениями в связи с форсированным военным строительством и милитаризацией своего визави, а также подозрениями касательно намерений в отношении друг друга. Япония обвиняет Китай в напористости в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, милитаризации Южно-Китайского моря, отсутствии прозрачности военных расходов и в росте оборонного бюджета. Китай же претендует на контролируемые Японией острова Сэнкаку и обвиняет Токио в возрождении милитаристских устремлений, росте оборонного бюджета и вмешательстве в проблематику Южно-Китайского моря.

Реакция Японии на китайскую инициативу «Пояс и путь»

На протяжении нескольких десятилетий Япония продолжает оставаться одним из крупнейших в мире инвесторов в развивающиеся страны, в том числе в их инфраструктурное строительство. Присоединившись в роли донора финансовой помощи в 1964 г. к Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Япония за прошедшие десятилетия накопила огромный опыт в этой сфере. Японская Официальная помощь развитию (ОПР) предоставляется как на двусторонней основе Японским агентством международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency) и Японским банком для международного сотрудничества (Japan Bank for International Cooperation), так и по линии Азиатского банка развития – одного из наиболее влиятельных в мире финансовых институтов, крупнейшим акционером которого является Япония.

Становление же Китая в качестве крупного инвестора в развивающиеся страны – относительно недавний феномен, восходящий к 2004–2005 гг., когда Китай аккумулировал значительную экономическую и финансовую мощь и стал реализовывать стратегию «выход вовне». Ранее, на протяжении почти трёх десятилетий, начиная с 1979 г., Китай сам был одним из крупнейших получателей японских иеновых кредитов, предоставлявшихся в форме ОПР.

Апогеем произошедшей трансформации роли Китая в мировой финансово-экономической системе – от крупного заёмщика до крупного кредитора, от рядового участника до инициатора и учредителя новых многосторонних банков развития под своей эгидой – стали обнародование в сентябре 2013 г. Председателем КНР Си Цзиньпином инициативы «Пояс и путь» (тогда представленной под наименованием «Экономический пояс Шёлкового пути»), предполагающей масштабные китайские инвестиции в инфраструктуру развивающихся

стран, а также создание инициированного Пекином в 2013 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

В течение первых трёх лет, последовавших после обнародования инициативы «Пояс и путь», Япония, как и целый ряд развитых западных стран, сохраняла дистанцированность от этой китайской инициативы. В стране шли дискуссии относительно возможности и необходимости участия Японии в китайских мегаинициативах – «Поясе и пути» и АБИИ, который в момент его создания нередко ошибочно рассматривался в качестве финансового инструмента реализации инициативы «Пояс и путь».

На протяжении 2013–2016 гг. общий фон для подключения Японии к китайским инициативам был в целом неблагоприятным: с 2012 г., когда с новой силой вспыхнули противоречия вокруг принадлежности островов Сэнкаку, двусторонние отношения находились на нижней точке своего развития с момента установления дипломатических отношений в 1972 г. Более того, при оценке возможности своего участия в китайских инициативах Токио не мог не учитывать и тот факт, что успех Пекина в реализации этих инициатив существенно укреплял позиции Китая в борьбе за региональное лидерство. В каком-то смысле создание АБИИ бросало вызов уже давно функционирующему при определяющей роли Японии многостороннему банку развития – Азиатскому банку развития. Возникал вопрос целесообразности создания новой структуры, дублирующей деятельность Азиатского банка развития.

Критика в адрес китайской инициативы «Пояс и путь» концентрировалась преимущественно вокруг следующих положений.

1. Определяющая роль государства, а не частного сектора в китайской инициативе. Основные средства идут от Экспортно-импортного банка Китая и Банка развития Китая (в том числе по линии Фонда Шёлкового пути) китайским госпредприятиям, которые уже инвестируют в строительство зарубежной инфраструктуры. Японские же зарубежные инфраструктурные проекты по большей части финансируются частным сектором, например, такими крупными компаниями, как Mitsubishi, Toyota, Nintendo, Sumitomo Mitsui Financial [Zhao Hong, 2018]. Предоставляемая Японским агентством международного сотрудничества, Японским банком для международного сотрудничества, а также по линии Азиатского банка развития помощь не является доминирующей, а лишь призвана служить катализатором мобилизации инфраструктурного финансирования со стороны частного сектора.

2. Условия предоставления Китаем заёмных средств странам-реципиентам не соответствуют стандартам, разработанным Комиссией по оказанию помощи развитию ОЭСР, и способны приводить к финансовым кризисам в странах-реципиентах [Кавасима Син, 2018]. Как указывают критики «Пояса и пути», в ряде случаев Китай, заведомо зная о неспособности отдельных стран возратить заёмные средства, выделяет им крупные кредиты в расчёте на получение впоследствии различных привилегий, например, обретение контроля над созданной при финансировании Китая инфраструктурой.

3. Предоставление Китаем экономически «связанных» кредитов. При этом связанность может заключаться не только в том, что контракты осуществляются китайскими подрядчиками, с использованием китайских строительных материалов и оборудования, китайской рабочей силы, но и в требованиях к странам-реципиентам внедрять в использование, например, китайскую навигационную систему «Бэйдоу» или продукцию китайских телекоммуникационных компаний (Huawei и ZTE).

4. Отсутствие традиционно предъявляемых западными странами требований к странам-заёмщикам (проведение демократических преобразований, внедрение системы должного управления, соблюдение экологических стандартов, трудовых стандартов и пр.) подрывает усилия западных стран по стимулированию демократических процессов и распространению «лучших практик».

В целях хеджирования рисков, связанных с китайской инициативой «Пояс и путь», и закрепления за собой особой ниши в инфраструктурном строительстве Токио была разработана концепция «качественной инфраструктуры». По существу, японской стороной была избрана стратегия противопоставления китайской и японской моделей зарубежного инфраструктурного строительства: китайская модель характеризуется скоростью осуществления инфраструктурных проектов, большим их количеством и общим огромным заявленным бюджетом инфраструктурного кредитования, отличительной же чертой японской модели позиционируется высокое качество и характеристики создаваемой инфраструктуры, а также применение лучших технологических решений. Так, в мае 2015 г. премьер-министр Японии Абэ обнародовал совместную с Азиатским банком развития инициативу «Партнёрство ради качественной инфраструктуры» (Partnership for Quality Infrastructure), предполагавшую выделение в 2016–2020 гг. порядка 110 млрд долл. для «качественного» инфраструктурного строительства в Азии [Announcement of “Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future”, 2015]. Спустя год, в мае 2016 г., Абэ объявил расширенную версию данной инициативы, получившую наименование «Расширенное партнёрство ради качественной инфраструктуры». Отличие новой версии инициативы состояло в увеличившемся финансировании (со 110 до 200 млрд долл.), а также в том, что финансирование было предусмотрено на период с 2017 по 2021 г. для осуществления инфраструктурных проектов во всём мире (а не только в Азии, как в более ранней версии инициативы). Также расширился спектр областей для инфраструктурных инвестиций (предусматривались инвестиции в области энергетики и разработки природных ресурсов) и перечень источников финансирования (кроме Японского агентства международного сотрудничества и Японского банка для международного сотрудничества, теперь инвесторами могли быть Nippon Export and Investment Insurance (NEXI), Japan Overseas Infrastructure Investment Corporation for Transport and Urban Development (JOIN), Fund Corporation for the Overseas Development of Japan's ICT and Postal Services (JICT) и Japan Oil, Gas and Metals National Corporation (JOGMEC)) [The G7 Ise-Shima Summit “Expanded Partnership for Quality Infrastructure”, 2016].

Токио приступил к активной интернационализации концепции «качественной инфраструктуры». В мае 2016 г. на саммите G7 в Исэ-Симе по предложению японской стороны были приняты «Принципы продвижения качественных инфраструктурных инвестиций». Принятые пять принципов базируются на представлениях о том, что качественные инфраструктурные инвестиции должны: 1) обеспечивать эффективное управление, надёжные операции и экономическую эффективность в ходе жизненного цикла проекта, а также безопасность и устойчивость перед лицом стихийных бедствий, терроризма и риска кибератак; 2) способствовать созданию рабочих мест для местного населения, наращиванию мощностей и передаче опыта и ноу-хау местным сообществам; 3) учитывать потенциальное воздействие на социум и окружающую среду в результате реализации инфраструктурных проектов; 4) соответствовать реализуемым на национальном и региональном

уровнях экономическим стратегиям и стратегиям развития; 5) обеспечивать эффективную мобилизацию ресурсов, в том числе и посредством государственно-частного партнёрства [G7 Ise-Shima Principles for Promoting Quality Infrastructure Investment, 2016].

В развитие своих усилий по распространению в мире концепции «качественной инфраструктуры», Япония также выступила соорганизатором первого Международного экономического форума по Азии ОЭСР в апреле 2017 г., прошедшего под названием «Усиление региональной интеграции и развития посредством качественной инфраструктуры и устойчивости», и мероприятия на высоком уровне на полях ГА ООН «Продвижение качественных инфраструктурных инвестиций», состоявшегося в сентябре 2018 г. На площадке ООН министр иностранных дел Японии Коно Таро даже заявил о намерении Японии стать лидером в создании «качественной инфраструктуры» в Индо-Тихоокеанском регионе [Кистанов, 2018, с. 38]. В сентябре 2018 г. в Токио состоялся совместный семинар ОЭСР и Министерства финансов Японии на тему «Финансирование качественной инфраструктуры для долгосрочных инвестиций и мобилизация капитала частного сектора». Токио планирует и впредь активно работать с международными организациями (такими как ОЭСР) и заинтересованными странами в целях стимулирования качественного роста посредством развития «качественной инфраструктуры» [Japan's White Paper on Development Cooperation 2017].

На правах принимающей саммит G20 в июне 2019 г. стороны Токио предложил руководящие принципы в области инфраструктурных инвестиций. По замыслу японской стороны, принципы призваны побудить крупных доноров инфраструктурной помощи следовать международным нормам при осуществлении инфраструктурных проектов [Japan to propose G-20 aid rules to check China's Belt and Road, 2019].

Помимо консолидации поддержки среди мирового сообщества концепции «качественной инфраструктуры» Токио предпринял и практические шаги по созданию и участию в многосторонних инициативах в области «качественных» инфраструктурных инвестиций в развивающиеся страны. Так, в ноябре 2016 г. в ходе визита премьер-министра Индии Н. Моди в Токио стороны обозначили намерение поиска синергии индийской политики «Действуй на Восток» (Act East) и японской инициативы «Расширенное партнёрство ради качественной инфраструктуры» в целях улучшения региональной интеграции и взаимосвязанности между Азией и Африкой [Japan-India Joint Statement, November, 2016]. В развитие этой идеи в мае 2017 г. на 52-ом ежегодном собрании Африканского банка развития было объявлено о создании Азиатско-Африканского коридора роста (Asia Africa Growth Corridor, AAGR), состоящего из четырёх основных компонентов: проекты в области развития и сотрудничества, качественная инфраструктура и институциональная взаимосвязанность, повышение человеческого потенциала, партнёрство между народами [Asia Africa growth corridor, 2017].

Стали складываться и трёхсторонние формы сотрудничества в сфере инфраструктурных инвестиций. Так, при участии США, Японии и Индии была создана специальная трёхсторонняя рабочая группа по инфраструктурным вопросам (Trilateral Infrastructure Working Group) [Joint Statement on the U.S.-India-Japan Trilateral Meeting, 2018], призванная содействовать укреплению сотрудничества стран в области инфраструктурного развития и взаимосвязанности в Индо-Тихоокеанском регионе. В мае 2018 г. Американско-индийский и Американско-японский деловые советы инициировали создание Трёхстороннего форума по

инфраструктуре в ИТР (Indo–Pacific Infrastructure Trilateral Forum), нацеленного на улучшение координации между частным сектором при осуществлении инфраструктурных проектов за рубежом [Smith, 2018]. А в июле 2018 г. стало известно о создании трёхстороннего партнёрства в области инфраструктурных инвестиций между американской Корпорацией частных зарубежных инвестиций, Японским банком для международного сотрудничества и австралийским Министерством иностранных дел и торговли [Hutchens, 2018].

В течение 2018 г. были обнародованы намерения Токио расширить инфраструктурные инвестиции в развивающиеся страны. Так, в мае 2018 г. Абэ в ходе встречи с лидерами 16 государств южной части Тихого океана пообещал содействовать созданию «качественной инфраструктуры», в том числе в области портовой инфраструктуры и возобновляемой энергии. Также в мае 2018 г. японское правительство сообщило о планах выделения иеновых кредитов для развития портов в трёх странах Индийского океана (Мьянме, Шри-Ланке и Бангладеш) [Japan to offer aid for Indian ocean ports, 2018]. В ноябре 2018 г. во время визита вице-президента США М. Пенса в Токио было объявлено об американо-японском фонде инфраструктурного развития в размере 70 млрд долл., приоритетным направлением для которого была названа реализация инфраструктурных проектов в Индо-Тихоокеанском регионе.

Между тем в 2017 г. обозначились первые признаки отказа Японии от изначально отстранённой позиции в отношении китайской инициативы «Пояс и путь». О возможной смене отношения Токио к китайской инициативе сигнализировало участие генерального секретаря Либерально-Демократической партии Японии Никая Тосихиро в Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути», прошедшего в Пекине 14–15 мая 2017 г. Спустя несколько недель, в июне 2017 г., на международной конференции «Будущее Азии» Абэ Синдзо дал осторожную оценку инициативе «Пояс и путь», выразив готовность присоединиться к её реализации при условиях, что создаваемая инфраструктура будет доступна всем и при её создании будут налажены транспарентные и справедливые закупки, проекты будут экономически целесообразны, а возврат заимствуемых средств возможен для страны-реципиента без нанесения вреда стабильности государственным финансам [Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia, 2017].

На состоявшейся 8 июля 2017 г. в Гамбурге на полях саммита G20 встрече с Председателем КНР Си Цзиньпином Абэ Синдзо обозначил желание усилить сотрудничество с Китаем в области торговли, финансов, туризма и в реализации инициативы «Пояс и путь» [Xi, Abe meet on ties, 2017].

Изменение позиции Токио можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, принятие инициативы «Пояс и путь» открывало широкие возможности для нормализации отношений с Китаем – важной внешнеполитической задачи как *per se*, так и на фоне непредсказуемости политики американской администрации Д. Трампа. Во-вторых, непримиримое соперничество двух стран в вопросах развития инфраструктуры в третьих странах наносило бóльший урон, чем могло принести их сотрудничество. Как свидетельствовал опыт двух стран (наиболее репрезентативным может быть пример с борьбой между двумя государствами за контракт на строительство высокоскоростной железной дороги в Индонезии в 2015 г.), их соперничество за инфраструктурные проекты в третьих странах приводило к необходимости существенного занижения стоимости

проектов, что, в конечном счёте, играло на руку только стране-реципиенту. В-третьих, Токио не мог более игнорировать тенденцию роста поддержки инициативы «Пояс и путь» среди мирового сообщества.

В начале мая 2018 г. во время визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в Японию стороны договорились о создании совместного государственно-частного Комитета содействия деловому сотрудничеству в третьих странах (Committee for the Promotion of Japan-China Business Cooperation in Third Countries) [Japan and China Conclude Memorandum, 2018]. В сентябре 2018 г. состоялась первая встреча [The First Session of China-Japan Third-Party Market Cooperation Working Mechanism, 2018]. С этого момента был фактически инициирован китайско-японский диалог, получивший характеристику «сотрудничества в третьих странах».

В конце октября 2018 г. в ходе визита Абэ в Пекин состоялся первый китайско-японский Форум делового сотрудничества в третьих странах. На Форуме было подписано 52 меморандума о сотрудничестве в области инфраструктуры, логистики, IT, здравоохранения и финансов. В частности, Японский банк для международного сотрудничества и Банк развития Китая подписали меморандум о взаимопонимании, предполагающий оказание финансовой поддержки китайским и японским компаниям в их деловом сотрудничестве в третьих странах при условии соблюдения таких мировых стандартов, как открытость, прозрачность, экономическая эффективность, приемлемый уровень задолженности, соблюдение законов и правил [JBIC Signs MOU, 2018].

Среди обсуждаемых проектов для совместного осуществления фигурируют планы строительства высокоскоростной железнодорожной сети на востоке Таиланда (части Восточного экономического коридора Таиланда), создание «умных городов» в Юго-Восточной Азии, строительство нефтеперерабатывающего завода в Казахстане, создание мощностей по выработке солнечной энергии в ОАЭ [Yoshida, 2018].

Заключение

В выработке политики в отношении Китая современное японское руководство сталкивается с необходимостью учёта большого спектра разнонаправленных факторов. С одной стороны, стабильные тесные отношения с Китаем отвечают интересам экономического развития Японии и задачам обеспечения региональной безопасности. Более того, в условиях непредсказуемости действий американской администрации Д. Трампа и соответственно нестабильности оказываемой Вашингтоном поддержки Японии избегание кризисов китайско-японского взаимодействия приобретает особое значение. С другой стороны, на пути гармоничных отношений с Китаем существует ряд серьёзных препятствий: наличие двусторонних противоречий, связанных с трактовкой исторических событий 1937–1945 гг., посещениями японскими высокопоставленными официальными лицами храма Ясукуни, принадлежностью островов Сэнкаку, а также различие политических систем двух стран и исповедуемых ими политических и экономических ценностей, разные подходы двух стран к обеспечению глобальной и региональной безопасности, интенсифицирующееся соперничество в различных регионах и сферах, встречные подозрения в отношении намерений друг друга. На фоне такого большого количества глубоких двусторонних

противоречий усиление Китая рассматривается в Токио не как несущее возможности, а как представляющее серьёзный вызов или даже потенциальную угрозу Японии.

В связи с этим перед кабинетом Абэ Синдзо стоит сложная задача нормализации отношений Японии с Китаем при одновременном хеджировании рисков, связанных с «возвышением» Китая. С этой целью кабинет Абэ прикладывает усилия в направлении расширения активности Японии в региональных и мировых делах, усиления самостоятельности Японии, увеличения роли Японии в решении глобальных и региональных проблем (в частности, это нашло проявление в изменениях оборонной политики Японии). На фоне стремительно укрепляющегося Китая большое значение имеет и усиление экономического и военного потенциала Японии. Так, Абэ инициировал программу оздоровления японской экономики, активизировал торгово-экономическую политику (в том числе, возглавил реформирование ТТП, заключил соглашение с ЕС о свободной торговле), укрепляет японские Силы самообороны (с 2013 г. расходы на оборону продолжают неуклонно увеличиваться). Ответом на китайские инициативы «Пояс и путь» и АБИИ, а также на усиление напористости Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях стало выдвижение стратегии «качественной инфраструктуры» и стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Абэ также предпринимает меры по углублению партнёрских отношений с разными странами мира, включая те, с которыми Япония разделяет общие либерально-демократические ценности и те, у которых с Китаем есть территориальные споры. Фактор Китая, кстати, стал одним из обусловивших наблюдаемую ныне активность Токио на российском направлении. Недопущение сильного сближения России и Китая и тем более формирование российско-китайского квазиальянса является важной задачей современного японского руководства.

Вместе с тем движимый задачей поддержания нормальных двусторонних отношений и сохранения условий для бесконфликтного сосуществования с Китаем, Токио демонстрирует сдержанность и линию на непровоцирование Китая, в своих действиях не переступая «красную линию». Например, с 2013 г. Абэ Синдзо не совершает официальных визитов в храм Ясукуни. Япония также воздерживается от геологоразведки в оспариваемых Китаем акваториях Восточно-Китайского моря. Знаковым можно считать изменение позиции Токио в отношении китайской инициативы «Пояс и путь» в пользу выражения намерения присоединиться к инфраструктурному сотрудничеству с Китаем в третьих странах. При всём при том важным обстоятельством, в значительной степени делающим возможным и облегчающим реализацию такой двойственной политики кабинета Абэ в отношении Китая, сочетающей элементы одновременно противодействия Пекину и сотрудничеству с ним, является курс Си Цзиньпина на нормализацию отношений с Японией на фоне сильного давления со стороны Вашингтона и осложнившейся международной обстановки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кавасима Син. «Один пояс, один путь»: как создать многосторонние механизмы партнёрства, соперничества и сдерживания между Японией и Китаем? 25.05.2018. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a05801/> (дата обращения: 12.03.2019).

Киреева А.А. Позиции России и Японии по ключевым проблемам региональной безопасности и взаимодействия // Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе: рабочая тетрадь № 50/2019 / под ред. И.С. Иванов. М.: НП РСМД, 2019.

Кистанов В.О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 32–43.

Крячкина Ю.А. «Новая эра» японо-китайских отношений? 06.11.2018. URL: <https://riss.ru/analytics/55088/> (дата обращения: 09.03.2019).

Стрельцов Д.В. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Международная жизнь. 2018. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2076> (дата обращения: 23.02.2019).

Стрельцов Д. Япония: новая политика национальной безопасности // РСМД. 05.02.2014. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-novaya-politika-natsionalnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 17.01.2019).

Швыдко В. Отказ США от ТТП: значение для Японии // РСМД. 01.02.2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otkaz-ssha-ot-ttp-znachenie-dlya-yaponii/> (дата обращения: 01.04.2019).

Announcement of “Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future”. 2015. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (дата обращения: 23.08.2018).

Asia Africa growth corridor. Partnership for Sustainable and Innovative Development. A vision document. 2017. URL: <http://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Document.pdf> (дата обращения: 09.03.2019).

“Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia” – Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Banquet of the 23rd International Conference on The Future of Asia. June 5, 2017. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201706/1222768_11579.html (дата обращения: 09.03.2019).

China's Activities in East China Sea, Pacific Ocean, and Sea of Japan. Japan Ministry of Defense. October, 2018. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/sec_env/pdf/ch_d-act_201810a_e.pdf (дата обращения: 18.03.2019).

China's Maritime Activities in the Asia-Pacific Region and Japan's Reaction. MOFA's video. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5X1u4vnxXKc> (дата обращения: 19.01.2019).

Defense of Japan 2018. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2018/DOJ2018_Digest_RU.pdf (дата обращения: 22.03.2019).

Drifte R. Japan's Policy towards the South China Sea – Applying “Proactive Peace Diplomacy”? // PRIF Report No. 140. 2016. URL: http://www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_publicationen/prif140.pdf (дата обращения: 11.03.2019).

G7 Ise-Shima Principles for Promoting Quality Infrastructure Investment. 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000160272.pdf> (дата обращения: 09.01.2019).

Hutchens G. Australia joins US-Japanese Pacific investment plan but offers no budget details // The Guardian. 31.07.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/31/australia-joins-us-japanese-pacific-investment-plan-but-offers-no-budget-details> (дата обращения: 02.10.2018).

Japan and China Conclude Memorandum on Business Cooperation in Third Countries. 10.05.2018. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2018/0510_003.html (дата обращения: 15.01.2019).

Japan protests over Chinese radar in disputed East China Sea drilling rig. 7.08.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/aug/07/japan-protests-over-chinese-radar-in-disputed-east-china-sea-drilling-rig> (дата обращения: 20.01.2019).

Japan to offer aid for Indian ocean ports. May 26, 2018. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2018/05/25/japan-to-offer-aid-for-indian-ocean-ports.html> (дата обращения: 09.02.2019).

Japan to propose G-20 aid rules to check China's Belt and Road. 18.03.2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-to-propose-G-20-aid-rules-to-check-China-s-Belt-and-Road> (дата обращения: 25.03.2019).

Japan's Defense Budget. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/ (дата обращения: 13.03.2019).

Japan's National Security Strategy. 17.12.2013. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryuu/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 14.03.2019).

Japan's White Paper on Development Cooperation 2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000406631.pdf> (дата обращения: 14.03.2019).

Japan-India Joint Statement. November, 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000202950.pdf> (дата обращения: 21.03.2019).

JBIC Signs MOU with China Development Bank Corporation. 25.10.2018. URL: <https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2018/1026-011525.html> (дата обращения: 25.02.2019).

Joint Statement on the U.S.-India-Japan Trilateral Meeting. 5.04.2018. URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/04/280254.htm> (дата обращения: 09.03.2019).

Kazuhiko Togo. Japan's Relations with Russia and China and the Implications for the U.S.-Japan Alliance. 16.05.2018. URL: <https://www.nbr.org/publication/japans-relations-with-russia-and-china-and-the-implications-for-the-u-s-japan-alliance/> (дата обращения: 07.02.2019).

Military and Security Development involving the PRC 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT.PDF> (дата обращения: 09.03.2019).

National defense program guidelines for FY 2014 and beyond. 17.12.2013. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217_e2.pdf (дата обращения: 02.04.2019).

Smith J. Another First: U.S. and India to Hold 2+2 Dialogue in Delhi // Issue Brief. 2018. No.4897. URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2018-08/IB4897.pdf> (дата обращения: 09.03.2019).

The Current Status of China's Unilateral Development of Natural Resources in the East China Sea. 27.09.2018. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/c_m1/page3e_000356.html (дата обращения: 11.03.2019).

The First Session of China-Japan Third-Party Market Cooperation Working Mechanism Held in Beijing. 26.09.2018. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/201809/20180902790806.shtml> (дата обращения: 15.03.2019).

The G7 Ise-Shima Summit “Expanded Partnership for Quality Infrastructure”. 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000241007.pdf> (дата обращения: 21.03.2019).

The number of Chinese Government and other vessels that entered Japan’s contiguous zone or intruded into territorial sea surrounding the Senkaku islands. As of February 28, 2019. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000170838.pdf> (дата обращения: 09.03.2019).

Tomotaka Shoji. The South China Sea: A View from Japan // NIDS Journal of Defense and Security. 2014. No. 15. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/kiyo/pdf/2014/bulletin_e2014_7.pdf (дата обращения: 09.03.2019).

Xi, Abe meet on ties, reaffirm readiness to strengthen partnership // China Daily. 08.07.2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017xivisitgermany/2017-07/08/content_30042755_2.htm (дата обращения: 17.03.2019).

Yoshida R. China nudges Japan on joining up in 'Belt and Road' initiative at 14th Annual Tokyo-Beijing Forum // Japan Times. 14.10.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/14/national/politics-diplomacy/china-nudges-japan-joining-belt-road-initiative-14th-annual-tokyo-beijing-forum/> (дата обращения: 09.01.2019).

Zhao Hong. Chinese and Japanese infrastructure investment in Southeast Asia: from rivalry to cooperation? 2018. URL: <https://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Dp/689.html> (дата обращения: 11.03.2019).

REFERENCES

Announcement of “Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future”. 2015, URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (accessed: 23 August 2018).

Asia Africa growth corridor. Partnership for Sustainable and Innovative Development. A vision document. 2017, URL: <http://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Document.pdf> (accessed: 9 March 2019).

“Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia” – Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Banquet of the 23rd International Conference on The Future of Asia. June 5, 2017, URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201706/1222768_11579.html (accessed: 9 March 2019).

China’s Activities in East China Sea, Pacific Ocean, and Sea of Japan. Japan Ministry of Defense. October, 2018, URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/sec_env/pdf/ch_d-act_201810a_e.pdf (accessed: 18 March 2019).

China's Maritime Activities in the Asia-Pacific Region and Japan's Reaction. MOFA's video. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5X1u4vnxXKc> (accessed: 19 January 2019).

Defense of Japan 2018. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2018/DOJ2018_Digest_RU.pdf (accessed: 22 March 2019).

Drifte, R. (2016). Japan’s Policy towards the South China Sea – Applying “Proactive Peace Diplomacy”?, *PRIF Report*, 140, URL: http://www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_publicationen/prif140.pdf (accessed: 11 March 2019).

G7 Ise-Shima Principles for Promoting Quality Infrastructure Investment. 2016, URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000160272.pdf> (accessed: 9 January 2019).

Hutchens, G. (2018). Australia joins US-Japanese Pacific investment plan but offers no budget details, *The Guardian*, URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/31/australia-joins-us-japanese-pacific-investment-plan-but-offers-no-budget-details> (accessed: 2 October 2018).

Japan and China Conclude Memorandum on Business Cooperation in Third Countries. 10.05.2018. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2018/0510_003.html (accessed: 15 January 2019).

Japan-India Joint Statement. November, 2016, URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000202950.pdf> (accessed: 21 March 2019).

Japan protests over Chinese radar in disputed East China Sea drilling rig. 7.08.2016, URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/aug/07/japan-protests-over-chinese-radar-in-disputed-east-china-sea-drilling-rig> (accessed: 20 January 2019).

Japan's Defense Budget. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/ (accessed: 13 March 2019).

Japan's National Security Strategy. 17.12.2013, URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed: 14 March 2019).

Japan's White Paper on Development Cooperation 2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000406631.pdf> (accessed: 14 March 2019).

Japan to offer aid for Indian ocean ports. May 26, 2018, URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2018/05/25/japan-to-offer-aid-for-indian-ocean-ports.html> (accessed: 9 February 2019).

Japan to propose G-20 aid rules to check China's Belt and Road. 18.03.2019, URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-to-propose-G-20-aid-rules-to-check-China-s-Belt-and-Road> (accessed: 25 March 2019).

JBIC Signs MOU with China Development Bank Corporation. 25.10.2018, URL: <https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2018/1026-011525.html> (accessed: 25 February 2019).

Joint Statement on the U.S.-India-Japan Trilateral Meeting. 5.04.2018, URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/04/280254.htm> (accessed: 9 March 2019).

Kawashima, Shin (2018). «Odin poyas, odin put'»: kak sozdat' mnogostoronniye mekhanizmy partnërstva, sopernichestva i sderzhivaniya mezhdru Yaponiyey i Kitayem? [“One Belt, One Road”: how to create multilateral mechanisms of partnership, competition, and containment between Japan and China?], URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a05801/> (accessed: 12 March 2019). (In Russian).

Kazuhiko, Togo (2018). Japan's Relations with Russia and China and the Implications for the U.S.-Japan Alliance, URL: <https://www.nbr.org/publication/japans-relations-with-russia-and-china-and-the-implications-for-the-u-s-japan-alliance/> (accessed: 7 February 2019).

Kireyeva, A.A. (2019). Pozitsii Rossii i Yaponii po klyuchevym problemam regional'noy bezopasnosti i vzaimodeystviya [Russia and Japan's Positions on Key Problems of Regional Security and Cooperation], in I.S. Ivanov (ed.), *Perspektivy razvitiya rossiysko-yaponskikh otnosheniy na novom etape: rabochaya tetrad'* [Russia-Japan relations: new stage of development: working paper no. 50/2019], Moscow: NP RIAC. (In Russian).

Kistanov, V.O. (2018). Indo-Tikhookeanskaya strategiya Yaponii kak sredstvo sderzhivaniya Kitaya [Japan's Indo-Pacific Strategy as a Deterrent to China], *Far Eastern Affairs*, 2: 32–43. (In Russian).

Kryachkina, Yu.A. (2018). «Novaya era» yaponno-kitayskikh otnosheniy [“New era” in Japan-China relations?], URL: <https://riss.ru/analytics/55088/> (accessed: 9 March 2019). (In Russian)

Military and Security Development involving the PRC 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT.PDF> (accessed: 9 March 2019).

National defense program guidelines for FY 2014 and beyond. 17.12.2013, URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217_e2.pdf (accessed: 2 April 2019).

Shvydko, V. (2017). Otkaz SSHA ot TTP: znachenie dlya Yaponii [US withdrew from TTP: significance for Japan], *RIAC*, URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otkaz-ssha-ot-ttp-znachenie-dlya-yaponii/> (accessed: 1 April 2019). (In Russian).

Smith, J. (2018). Another First: U.S. and India to Hold 2+2 Dialogue in Delhi, *Issue Brief*, 4897, URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2018-08/IB4897.pdf> (accessed: 9 March 2019).

Streltsov, D.V. (2018). Indo-Tikhookeanskiy region kak novaya real'nost' global'noy sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy [The Indo-Pacific region as a new reality of the global system of international relations], *International Affairs*, 9: 65-74. (In Russian).

Streltsov, D. (2014). Yaponiya: novaya politika natsional'noy bezopasnosti [Japan: new national security policy], *RIAC*, URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-novaya-politika-natsionalnoy-bezopasnosti/> (accessed: 17 January 2019). (In Russian).

The Current Status of China's Unilateral Development of Natural Resources in the East China Sea. 27.09.2018, URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/c_m1/page3e_000356.html (accessed: 11 March 2019).

The First Session of China-Japan Third-Party Market Cooperation Working Mechanism Held in Beijing. 26.09.2018, URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/201809/20180902790806.shtml> (accessed: 15 March 2019).

The G7 Ise-Shima Summit “Expanded Partnership for Quality Infrastructure”. 2016, URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000241007.pdf> (accessed: 21 March 2019).

The number of Chinese Government and other vessels that entered Japan's contiguous zone or intruded into territorial sea surrounding the Senkaku islands. As of February 28, 2019, URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000170838.pdf> (accessed: 9 March 2019).

Tomotaka, Shoji (2014). The South China Sea: A View from Japan, *NIDS Journal of Defense and Security*, 15, URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/kiyo/pdf/2014/bulletin_e2014_7.pdf (accessed: 9 March 2019).

Xi, Abe meet on ties, reaffirm readiness to strengthen partnership, *China Daily*, 08.07.2017, URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017xivisitgermany/2017-07/08/content_30042755_2.htm (accessed: 17 March 2019).

Yoshida, R. (2018). China nudges Japan on joining up in 'Belt and Road' initiative at 14th Annual Tokyo-Beijing Forum, *Japan Times*, 14.10.2018, URL:

<https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/14/national/politics-diplomacy/china-nudges-japan-joining-belt-road-initiative-14th-annual-tokyo-beijing-forum/> (accessed: 9 January 2019).

Zhao, Hong (2018). Chinese and Japanese infrastructure investment in Southeast Asia: from rivalry to cooperation? URL: <https://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Dp/689.html> (accessed: 11 March 2019).

Поступила в редакцию 07.04.2019

Received 7 April 2019

Для цитирования: Лексютина Я.В. Вызов «возвышающегося» Китая для Японии в контексте нормализации китайско-японских отношений в 2014–2018 гг. // Японские исследования. 2019. № 3. С. 62–83. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10021

For citation: Leksyutina Ya.V. (2019). Vyzov «vozvyshayushchegosya» Kitaya dlya Yaponii v kontekste normalizatsii kitaysko-yaponskikh otnosheniy v 2014–2018 gg. [Japan's China challenge within the context of normalization of Sino-Japanese relations in 2014–2018], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 62–83. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10021